Анастасия ТИХОКИНА

УЗОРЫ НА СНЕГУ

СНЕГОПАД

Утром в бежевом тоне,
Днём – во всяких подряд
Город вязнет и тонет.
Снегопад. Снегопад.

У столба на бетоне
Позабыт самокат.
Он мигает в агонии.
Снегопад. Снегопад.

Лыжник радостно гонит:
Подходящий накат.
На его капюшоне
Снегопад. Снегопад.

А в далёком районе
Звёзды низко висят –
Воплощённый в неоне
Снегопад.

КАШТАК

Кате

Солнце низко стояло над пьяной горой.
С первой смены – началка, и хор – со второй.
От ушей до порток в затрапезе, идёшь,
Как зимой Филипок, как в ненастье – Гаврош.

Беден, груб и заброшен, петляешь круги:
От подъезда до рощи, от тех до других,
Иногда задыхаясь от тайных обид,
Ведь ругались.
Тогда мы стеснялись любить.

Но, сносив затрапез, что один, что второй,
Помирились друг с другом и с пьяной горой,
Полюбили началку, разрозненный хор,
Что со сцены уходит, уходит, ухо...

САМОЛЁТ

– Самолёт! – кричит малыш. – Самолёт!
И господь двумя перстами легко берёт
Лайнер, рассекающий облака,
Как неповоротливого жука.

Самолёт щекочет ему ладонь
И гудит отчаянно, мол, не тронь.
Но господь не чувствует дольний шум.
И ему забавно, как малышу.

* * *

Ноябрь лютует и гремит,
неистовствует просто.
В подъездах листья за дверьми –
бездомные подростки.

Спасаясь от ветров окрест,
ютятся в полутени.
Жильцы, входящие в подъезд,
приводят их в смятение.

Вот лист в открытое окно
моё (не по сезону)
проник, берёзовый, смешной,
совсем ещё зелёный.

Обосновался между рам,
желтел домашним солнцем,
как будто, вопреки ветрам,
мы с ним вдвоём спасёмся.

* * *

Вдруг дверь захлопнется.
И больше не войти
В тот дом, где сытно и привычно было.
Хоть нажимай на дверь, пинай, хоть колоти.

Там ветер перемен
Удерживает силой.

ВЕТЕР В ПЕТЕРГОФЕ

Деревья аплодировали стоя.
Партер кустов шумел и не пустел.
Смотрите, даже пластиковый столик
Был опрокинут в пиршестве страстей.

Худой фонарь в померкнувшем лорнете –
И тот, казалось, удовлетворён
Финальной сценой, где осенний ветер
Своих артистов вывел на поклон.

КУПАЛЬЩИК

На пляже в полдень лиловатый,
В морском каникульном раю
Снимал купальщик полосатый
Свою счастливую семью.

В. Набоков

Где-то в районе Хосты
Или немного дальше,
Под жердяным помостом
Вольно лежал купальщик.
Веки его сомкнулись
Створками тёмных мидий.
И городская дурость
Скрылась внутри, как видим.

Храп байбака сливался
С мерным дыханием моря.
Толстый живот вздымался
Вместе с волнением моря.
От солевых кристаллов
Горьким он стал, как море.
Так его обкатало
И поглотило море.

РУКА В РУКЕ

По весне твоя рука
Выползает из перчатки,
Как проснувшийся медведь,
Расправляет свой хребет.
Оправляются бока
После зимней спячки сладкой.
Только-только стало греть...
Ты зачерпываешь свет.

Пульс руки, тепло, уют
Руку оживят мою.

МЛАДШИЕ

Выросли, прадедов не застав.
Для старших больше не повторится,
Как дед говорил мне: «Ну ладно – та,
Но ты-то, здоровая кобылица?!».

Как мы ходили с ним на базар,
Арбузный рай обходя по кругу,
И всякий – русский, узбек, казах –
Жал деду руку. Жал деду руку.

Как дед берёг свои ордена,
Даже представить они не смогут...

И как второй по утрам, после сна,
Пристёгивал деревянную ногу.

* * *

Море, море.
Камень, камень.
Голый корень
под руками.
Шорох сосен
и песка.
Отпуска.